

— Чжифэн ничего не говорил, откуда мне знать! — И-и развёл руками. — Я знаю только, что Инлун каким-то образом заставил Чжифэна всегда быть рядом с ним, перерождаться вместе с ним. Первые восемь раз всё прошло гладко, но в девятой жизни Чжифэн неожиданно обрёл человеческий облик.

— И что потом?! — Чжочжо и Чанчан широко раскрыли глаза.

— А потом ничего не было. Тот, кого вы все знаете, тот, кого мы все боимся и от кого Чжифэн постоянно прячется, этот тип по имени Бо — заклятый враг Инлуна. Не знаю, что он там натворил, но душа Инлуна рассеялась, и он не смог благополучно перейти в следующую жизнь.

Сказав это, И-и вздохнул, его голос был полон сочувствия:

— Когда я впервые встретил Тань Чжифэна, он был похож на идиота. В голове у него была только одна мысль: найти способ отыскать Инлуна и искупить свою вину.

Чжочжо нахмурилась:

— Почему это вина Чжифэна? И как он собирался его искать? Если все три души рассеялись, где его теперь найдёшь?

— На первый вопрос знает ответ только сам Тань Чжифэн. Что касается второго, то я могу попытаться тебе объяснить, хотя вероятность того, что ты поймёшь, равна нулю...

Сегодня И-и был, кажется, особенно снисходителен:

— Небесная и земная души из трёх душ Инлуна были необычайно сильны. Серьёзно повреждена должна была быть только душа судьбы, отвечавшая за ту жизнь.

Он сделал паузу и продолжил:

— Позже Тань Чжифэну стало немного лучше. Мы оба решили, что Инлун всё же продолжил входить в сансару, но в какой форме и где он появится — сказать трудно. Потом я подумал, что, возможно, у него уже не было сил для перерождения, и он просто вселился в какого-нибудь бедолагу...

— Так мы всё это время сопровождали его, скитаясь по разным временам и странам? — Чжочжо вздохнула с сожалением. — Но так и не нашли его, а Тань Чжифэн в Нью-Йорке чуть не стал вампиром...

— А я-то думал, ты скажешь, как в Рио-де-Жанейро его чуть не взял на содержание главарь мафии... — сказал И-и.

Невинный взгляд Чанчан, сосредоточенно слушавшей их, заставил И-и и Чжочжо виновато замолчать. И-и молча допил чай, который ему налила Чжочжо, и повертел в руках пустую чашку:

— Так что мы столько лет искали повсюду, и это первый раз, когда мы встретили человека, из-за которого Тань Чжифэн так потерял самообладание.

— Сюй Гань? Может, просто потому, что он такой ужасный? — на лице Чанчан всё ещё было недоумение. — В конце концов, И-и, ты так и не сказал мне, кто такой этот Сюй Гань?

И-и окончательно потерял терпение и с грохотом швырнул чашку на стол:

— Тань Чжифэн, куда ты убежал? Чей это ребёнок так поздно не спит! Если не будешь спать, я тебе страшные истории расскажу!

— Что ты злишься посреди ночи? — Спустия некоторое время Тань Чжифэн, услышав шум, спустился вниз. Чжочжо уже куда-то исчезла. И-и гневно смотрел на него.

— Тань Чжифэн, не мог бы ты пораньше объяснить им двоим свои дурацкие дела, чтобы они не приставали ко мне с вопросами? — увидев, что Тань Чжифэн спустился, он сердито пожаловался.

— Понял, понял, — примирительно повторил Тань Чжифэн. — Идите спать.

Фигура И-и постепенно исчезла, оставив после себя лишь облачко зелёного тумана. Тань Чжифэн подвёл молчаливую Чанчан к стене и ступил на скрипучую лестницу. Он вдруг вспомнил, что ещё не установил правила. Ладно, невыполненных дел было больше одного, можно отложить на завтра.

Вскоре после того, как они поднялись наверх, Чанчан уже крепко спала. Тань Чжифэн на цыпочках взобрался на верхнюю койку и лёг на бок. Он снова сжал в руке подвеску-каплю на шее и вскоре, под ровное дыхание Чанчан, тоже погрузился в сон.

* * *

— Ох, мамочки мои... В такой мороз ты заставляешь меня таскать капусту... — Чжочжо и И-и вошли в дверь, неся две большие корзины. И-и ещё ничего не сказал, а Чжочжо уже бросила свою ношу и громко закричала: — Я, нежная и хрупкая девушка, должна толкаться с этими торговцами из Западного императорского сада, и тебе не жалко...

Не договорив, Чжочжо повернула голову и внезапно встретилась с изумлённым взглядом Чэнь Цина. Её красивое лицо тут же залилось румянцем, она фыркнула, проглотила оставшиеся слова и шлёпнула стоявшую рядом и наблюдавшую за сценой Чанчан:

— Что смотришь, в следующий раз ты пойдёшь!

— Следующего раза пока не будет, — из-за спины вышел Тань Чжифэн. — Через несколько дней наступит начало зимы, в Кайфыне холодно, и зимой овощей почти не будет. Поэтому нам нужно воспользоваться этой возможностью и заготовить овощи на зиму.

Сказав это, он вместе с И-и поднял коромысла и отнёс две большие корзины капусты на заднюю кухню. Чанчан там уже хлопотала, перенося кочаны в погреб и аккуратно и ровно их укладывая. Затем она вышла и доложила Тань Чжифэну:

— Погреб почти полон.

— Наверное, старику Чжану раньше не нужно было столько запасать, — Тань Чжифэн погладил Чанчан по голове. — Ты потрудились. Хочешь чего-нибудь поесть?

Чанчан сглотнула и указала на Чэнь Цина:

— Я тоже хочу попробовать такие вонтоны, как ел старший брат Цзыцинъ.

— Хорошо. — С тех пор как ушёл Сюй Гань, Тань Чжифэн смастерил для Чанчан стол и стул пониже. Когда у него было время, он сидел рядом и учил её грамоте и счёту. За эти годы Тань

Чжифэн заметил, что Чанчан тоже растёт, хоть и медленно. Этого комплекта мебели ему хватит на некоторое время.

Тань Чжифэн налил миску вонтонов, поставил на маленький столик Чанчан и с удовлетворением смотрел, как та ест. В душе он чувствовал немалое удовлетворение. Похоже, его кулинарные навыки были на должном уровне — прошло больше полумесяца, а вывеска с двумя иероглифами «Чжифэн» всё ещё висела снаружи, и никто её не разбил. Эта таверна, не продававшая алкоголь, понемногу приобрела известность среди местных учёных, и не за горами был день, когда убытки сменятся прибылью.

День только начинался, утренний колокол ещё не прозвенел, и в заведении были только Чэнь Цин и один из его соучеников. Тань Чжифэн узнал его: это был тот самый студент Императорской академии, постарше, который несколько дней назад приходил с ними есть хого. Его фамилия была Чжоу, имя Яньцзин, второе имя Чэнгун, он был родом из Шаньси. Из троих пришедших в тот день он, казалось, был ближе всех к Чэнь Цину. К тому же, ему нравились суп с лапшой, баоцзы, цзяоцзы и прочая лапша, приготовленные Тань Чжифэном, поэтому тот видел его в таверне почти каждый день.

— Как же приятно утром съесть миску горячего супа с лапшой, — Чжоу Яньцзин зачерпнул ложку горячего супа, отправил в рот и с удовольствием выдохнул. Положив ложку, он сказал Чэнь Цину: — Не ожидал, что этот молодой хозяин так талантлив.

Чэнь Цин поднял голову и взглянул назад, смутно разглядев фигуру Тань Чжифэна. Уголки его губ невольно поползли вверх, и он молча смотрел в ту сторону. Чжоу Яньцзин же снова тихо сказал ему:

— ...Цзыцзинь, я должен тебе сказать, в последнее время в Императорской академии беспокойно. Чиновники то и дело приходят, говорят, из Управы Кайфына, всех нас по очереди допросили. Возможно, они доберутся и до Института Гуанвэнь...

Только тогда Чэнь Цин отвёл взгляд. Он ещё не успел ничего сказать, как к ним подошла Чжочжо и спросила:

— Что случилось? Это из-за того парня, который несколько дней назад утопился в реке?.. Ай, когда вы в прошлый раз говорили, я сразу почуяла что-то странное. Кто это сделал? Мечь или убийство на почве страсти?

Чжоу Яньцзин горько усмехнулся:

— Бедный студент, откуда у него враги или страсти? Непонятно, почему даже Управа Кайфына всполошилась. Жаль парня, этого Чжан Бэнляна. Он раньше был моим и Цзыцзиня соучеником в Институте Гуанвэнь. Хороший был юноша, так молод и уже умер, эх...

— Вот этого ты не понимаешь, нужно смотреть в корень, а не на поверхность! У кого в этом мире нет таинственного происхождения и секретов? Может, этот ваш Чжан Бэнлян вот-вот должен был унаследовать огромное состояние, а его дядя узнал об этом заранее... «Быть или не быть — вот в чём вопрос!» — громко провозгласила Чжочжо. — «Смиряться под ударами судьбы или надо оказать сопротивление и в смертной схватке с целым морем бед покончить с ними...»

Говоря это, Чжочжо, войдя в раж, подобрала юбку, ища пенёк, на который можно было бы взобраться и продолжить свою речь. Пока она осматривалась, кто-то сзади тихонько захлопал в ладоши и с восхищением произнёс:

— Хорошо сказано.

Все подняли головы, и их взгляды устремились на молодого человека, стоявшего у входа. Он стоял спиной к уличной вьюге и, откинув занавеску, входил внутрь. На нём был тёмно-синий халат с перекрёстным воротом, подпоясанный серебристо-белым плетёным поясом. Чёрные как смоль длинные волосы были перехвачены белой лентой и в слабом свете утренней зари за его спиной отсвечивали туманным блеском.

На поясе у него висела связка нефритовых подвесок странной формы с белыми шёлковыми кистями. Тань Чжифэн не мог определить качество нефрита, но ему казалось, что любой, даже самый лучший нефрит, на фоне лица этого мужчины терял свой первоначальный блеск.

Чжочжо была совершенно ошеломлена. Глядя на праведное, красивое и мягкое лицо этого молодого человека, она почувствовала, будто солнце взошло прямо у него за спиной. Вся комната наполнилась ослепительными золотыми искрами, которые в итоге превратились в мягкий и тихий рассвет вокруг него.

Молодой человек, казалось, привык к пристальным взглядам незнакомцев. Его ясные глаза улыбались, и он продолжил:

— У вас, сударыня, пронизательный взгляд. У вашего предыдущего высказывания есть продолжение?

Тань Чжифэн увидел, что Чжочжо стоит с открытым ртом, закинув ногу на стул, и неподвижно смотрит на гостя. Он понял, что придётся обслуживать самому. Он поспешно подошёл и сказал:

— Прошу садиться, господин. Сегодня на завтрак пирожное «Нефритовое продление» и вонтоны с корнем тунны. Подождите немного, сейчас подам чай и закуски.

На Чжочжо надежды не было. Тань Чжифэн бросил умоляющий взгляд на эпилемнум в углу. Мгновение спустя у плиты появился И-и:

— Тань Чжифэн, я же тебе говорил, я не работаю в утреннюю смену.

— Иногда можно и помочь, не так ли? Посмотри на Чжочжо, она словно душу потеряла, — сказал Тань Чжифэн, осторожно вынимая приготовленный на пару ямс из пароварки и оборачиваясь к нему. — Пришёл чиновник, боюсь, она не справится.

И-и хмыкнул. Сонный, он покачиваясь, понёс деревянный поднос с несколькими закусками наружу.

Как и говорил Тань Чжифэн, с наступлением зимы поставки фруктов и овощей в городе резко сократились. Груши и айва в меду на этой маленькой фарфоровой тарелке были приготовлены им всего несколько дней назад. Сегодня на утреннем рынке этих фруктов уже было не найти.

Гость прошёл на два шага вперёд, поклонился Чэнь Цину и его спутнику и спросил:

— Не возражаете, если я присяду с вами?

Чэнь Цин в присутствии посторонних всегда был немногословен, а вот Чжоу Яньцзин мог разговаривать с кем угодно. Он с улыбкой встал и ответил поклоном:

— Позвольте спросить, как ваше почтенное имя, господин?

— Я всего лишь простой вояка... — молодой человек снова взглянул на Чэнь Цина. Увидев, что тот тоже сделал приглашающий жест, он аккуратно сел рядом и продолжил: — Моя скромная фамилия... Цзинь.

<http://bllate.org/book/14942/1323805>